

ВЛАДИМИР РАКЧЕЕВ:

МЕЧТЫ
ВЕДУТ МЕНЯ
К ЦЕЛИ

Думаю, что нет. Воздушный полет был и остается самым романтичным цирковым жанром. Он будет притягивать смельчаков испробовать себя, познать свои возможности. А какой молодой человек не хочет этого? К тому же его успехи будут замечены тысячами восторженных зрителей. Такое признание немалого стоит.

— Более двадцати лет вы отдали воздушным полетам. Работали в содружестве с ведущими мастерами этого жанра, руководили одним из «полетов». За эти годы возникла и распалась не одна группа воздушных гимнастов. А кто, по-вашему, сыграл решающую роль в эволюции жанра?

— Самое большое развитие наш жанр получил в режиссуре Ю. Мандыча. Он законодатель моды. Хотя сам Юрий Гаврилович никогда не летал, а был силовым акробатом, как режиссер он брался за самые разные номера и все у него выходило. Мандыч выпустил четыре полета. И каждый стал событием в нашем цирке.

Давайте вспомним и назовем их.
— 1961 год, групповой воздушный полет с лопингом п/р О. Лозовика. Вместо традиционной трапеции в классический полет был введен лопинг — подобие качелей. Надо ли говорить, что любая аппаратура и не только в нашем жанре открывает иные возможности для исполнения даже обычных трюков. Прыжки-полеты, выполненные с помощью лопинга, были очень эффектными.

1966 год — воздушный полет «Галактика». И опять Мандыч придумывает новшество. Он конструирует двухъярусную вращающуюся ловитору. Ее подвешивают в центре дистанции и ловитор получает возможность не только принимать вольтижера с любой трапеции, но и, поворачиваясь вместе с ним, направлять его в какую угодно точку. К тому же над качающимся ловителем появился еще один, который стоял на верхнем ярусе. А второй ловитор — это новый трюковой рисунок. «Галактика» сразу поразила и зрителей, и специалистов.

1972 год — вертикальный полет п/р Н. Сарычева. В нем была усложнена традиционная рамочная работа и введен длинный лопинг. Гимнасты летели сверху вниз с большим перепадом. Так в нашем цирке появились вертикальный воздушный полет.

На четвертый полет Юрия Гавриловича уговорил я.
Володя, прежде чем началась работа над этим номером, вы уже были хорошо знакомы с Мандычем. И, как мне кажется, именно ему мы обязаны тем, что в цирке появились первоклассный вольтижер В. Ракчеев. Ведь все могло быть иначе.

Понимая, как непросто иногда говорить о себе, сделаем небольшое отступление.

В 1964 году наш собеседник закончил ГУЦЭИ как акробат в номере с подкидными досками. Но дебютировать на манеже ему не пришлось. Во время практики Володя неудачно «приземлился». В результате травма позвоночника. Врачи категорически запретили ему работать по избранной специальности. Так что акробатом он значился лишь в дипломе.

Дальше свою историю расскажет сам Владимир Ефимович:
— Я остался в училище педагогом. В этих же стенах готовил свои номера Ю. Мандыч. Как-то Юрий Гаврилович сделал мне неожиданное предложение. «Пригласи тебя в цирк, — сказал он, — а упражнения на растяжение не повредят. Давай попробуем тебя в полете».

И вы решили рискнуть? Это не смотря на недавнюю травму?
— Мандыч был опытным, талантливым педагогом. Я верил в то, что он отвечает за свои слова. К тому же не так просто расстаться с мечтой о манеже. И мы начали репетировать.

Это была «Галактика»?
— Да. Юрий Гаврилович в то время только приступил к ее созданию.

А как же ваша преподавательская работа, ее пришлось оставить?
— Почему? Я так и не был на репетиционном периоде, как это положено в подобных случаях. Вел группы акробатики и репетировал.

В 1966 году Мандыч выпустил свой второй полет, сразу ставший явлением. Кто был руководителем «Галактики»?

— Руководители менялись. Вначале это был В. Мясковский, потом Н. Сухов, А. Астанин. Руководство всегда проблема. Юрий Гаврилович и мне предлагал возглавить нашу группу, ведь я в то время был педагогом. Но меня не тянуло к власти, тем более, что она налагала множество административных и хозяйственных обязанностей. У меня же много времени уходило на репетиции. Мне хотелось не просто летать, а как знаменитый Морис. Достичь этого было трудно.

В течение многих лет Е. Морис был единственным исполнителем многих сложнейших трюков воздушной гимнастики. В 1946 году он впервые исполнил тройное сальто. «И только в 1966 году тройное заднее сальто сумели сделать два молодых гимнаста — В. Ракчеев и Н. Сухов. Этот трюк и в наши дни в мировом цирке исполняют лишь очень немногие артисты», — написал З. Гуревич в книге «О жанрах советского цирка». Так вам ли говорить о трудностях?

— Тем не менее мне тяжело далось многое из того, что, например, мой партнер Н. Сухов делал легко. Все зависит от индивидуальности каждого исполнителя. Николай обладал взрывной реакцией, быстрее все схватывал. Я же более спокойный, медлительный.

Мне долгое время приходилось доводить трюк до совершенства. Вот и знаменитое в свое время тройное сальто-мортале. Сколько у

меня было сил, столько я отдавал этому трюку. Если же я, хотя бы мысленно, отвлекался при его исполнении, то падал.

И такая отдача сил, концентрация внимания требовалась всегда?

— Практически да. Уже отработав лет семь, я научился не отвлекаться. Выходя в манеж, я часто вспоминал слова Станиславского — «Работать в искусстве надо, как целая куча негров сразу».

Володя, что вам больше всего запомнилось, когда вы работали в «Галактике»?

— Прежде всего выступления в Московском цирке на Цветном бульваре. Каждый артист мечтает об этом. Можно считать, что нам крупно повезло.

Все мы были влюблены в балет. И поэтому пригласили Ю. Григоровича, чтобы он посоветовал, как обогатить наше выступление новыми элементами хореографии. С волнением ждали мы слов кумира. И оказались в некотором замешательстве, когда он сказал: «Это ваш воздушный цирковой балет и он выше нашего балета».

И еще мне запомнилось одно, на мой взгляд, очень дельное предложение, которое так и не осуществилось, к сожалению.

Кто же его высказал?

— Н. Сычкин. Он работал в то время начальником художественного отдела в Союзгосцирке. Кстати, благодаря его стараниям многие наши артисты, и я в том числе, пошли учиться в ГИТИС. А предложение Сычкина состояло в том, чтобы в нашем полете, где есть два солиста-вольтижера, работать как в театре — поочередно. В программе напечатан полный состав исполнителей и галочками отмечались бы работающие в данном представлении. Заманчиво! Мы, конечно, не преминули спросить: «Что же тогда и зарплату будем получать вдвое меньше? И так не густо 150 рублей, а половина, то есть 75 рублей — вообще караул!» Но он нас успокоил тем, что зарплату никто урезать не будет. Правда, дальше разговоров дело не пошло. А зря!

Да, интересный проект, даже не верится, что его мог всерьез обсуждать представитель главка. Скорее такая крамольная мысль могла родиться у артистов.

— А что толку от мыслей даже очень хороших. На моей памяти не один год идет разговор о снижении нормы выступлений. А воз и ныне там. Сколько артистам сберегло бы здоровье, сколько травм удалось бы избежать, решение этого вопроса. Как трудно работать по два-три представления в день! Я лично по три представления мог работать считанные разы. И понемногу именно в такой ситуации из-за большой нагрузки вывихнул плечо.

Не из-за этого ли снижается исполнительский уровень, артисты стараются не выкладываться и постепенно входят в «облегченный» режим?

— Возможно. Но не буду расписываться за всех. Для меня такой вариант был неприемлем.

Однако вернемся к вашей новой встрече с Ю. Мандычем.

— Как я уже говорил, на четвертый полет Юрия Гавриловича уговорил я. За плечами было больше десяти лет работы в «полетах». Захотелось сделать что-то свое. Лучшим сподвижником в такой работе мог быть только Мандыч. И он полностью оправдал мои надежды. Юрий Гаврилович ухитрился еще больше усложнить все задумки, предложенные мной.

Так появилось «Единство». В чем состояло новшество этого «полета»?

— Все предыдущие творения Мандыча как бы спроецировались в новой плоскости. У нас был и вертикальный полет, и лопинг, под куполом цирка одновременно работали три ловитора. Своеобразно лирической заставкой стали стихи Р. Рождественского, которые он написал специально для нас. Но главное, по-моему, темп номера стал соответствовать той скорости, на которую переключались жизнь наших современников.

В 1980 году нас пригласили в любимый мной старый Московский цирк. После одного из выступлений, ко мне подошел один из наших цирковедов. «Хороший получился номер, — похвалил он. — И трюки очень интересные. Жаль только мало работаете. Недавно я видел полет п/р Лобзева, так они семь минут работают». Мы же в то время работали двенадцать минут.

Значит семь минут традиционного «полета», проходящего в более спокойном темпе, показались длиннее, чем ваши двенадцать?

— Выходит так.
Володя, вы побывали во многих странах мира и могли видеть, как работают там подобные номера. Много ли за рубежом групповых воздушных полетов?

— Они, разумеется, есть, так как наш жанр сам по себе очень привлекателен. Но все-таки групповых номеров не так много и они совсем не такие большие по составу, как у нас. Объяснение тому очень простое — большую группу невыгодно содержать.

Какой же оптимальный вариант?

— Самое большое шесть-семь человек. Не буду кивать на иностранцев. Помнится, в той же «Галактике» нас было семеро. И это при двух ловиторах. Тем не менее номер считался экстраклассным. А сегодня?

Что же изменилось?

— Сегодня в «Галактике» из прежнего состава остался единственный ловитор, он же руководитель номера А. Астанин. По своему усмотрению он спилил вторую ловитору и никому до этого дела

С тех пор, как француз Жюль Леотар впервые исполнил перелет в воздухе с одной трапеции на другую, прошло более 130 лет. Невиданное зрелище стало не просто очередной сенсацией. Успешный эксперимент произвел настоящий переворот в цирковой гимнастике. Благодаря ему родился новый жанр — «воздушный полет».

Собственно, для них — «летающих людей» и понадобилось взметнувшееся ввысь сферическим куполом цирковое небо. Оно так удачно накрыло манеж, что теперь нам кажется — только так и было всегда.

Сегодня никого не удивит примитивными перелетами с трапеции на трапецию спортсмена-одиночки Леотара. Разнообразные групповые воздушные полеты давно обжили подкупольное пространство. Появилась сложная аппаратура, значительно увеличилась дистанция, изменилась траектория полета — он стал не только горизонтальным, но и вертикальным.

Изменилось и время. Сто лет назад люди с восхищением наблюдали за смельчаками, поднимавшимися в небо на воздушном шаре. В наши дни космические полеты стали делом обыденным. Так, может быть, пора цирковых «полетчиков» миновала? Чем могут они порадовать сегодня, когда человек выходит в открытый космос?

Такие вопросы одолевали меня, когда я готовилась к встрече с артистом, много лет «борздившем» цирковое небо, знаящим цену каждому перелету.

НЕ МЕНЯЕТСЯ ЛИ ОТНОШЕНИЕ К ВАШЕЙ ПРОФЕССИИ С ТЕЧЕНИЕМ ВРЕМЕНИ? — СПРОСИЛА Я У ЗАСЛУЖЕННОГО АРТИСТА РСФСР В. РАКЧЕЕВА.

нет! А ведь номер от этих ухищрений утратил композиционное решение, свою художественную ценность. Но и за этим никто не следит. Самое вероятное, на мой взгляд, заключается в следующем. Казалось бы, если убрал один ловитор, значит количество участников в номере должно сократиться. Ничего подобного. В новом, «усеченном» варианте «Галактики» стало восемь против прежних семи артистов. Но ведь нельзя бездумно увеличивать количественный состав номера!

А что должно служить критерием?

— Трюковой репертуар, намеченный режиссером.
— В нашей системе можно вообще доходить до абсурда. Но кто-то должен отвечать за то, что все чаще в групповых номерах работают два-три артиста, а остальные пребывают на манеже. И этих остальных порой набирается с добрый десяток. Как говорится, «один с сошкой — семеро с ложкой».

Однако для осуществления вашей сценарной заявки номера «Полет на коньках» необходимо двенадцать артистов. Как понимать такой размах?

— Необходимость каждого исполнителя продиктована набором трюкового материала. Я задумал номер аттракционного плана на 25 минут, где будут 3 ловитора, 6 вольтижеров, работа на двух подкидных досках. Допустим, если убрать одну подкидную доску, то и артистов понадобится десять, но получится другое зрелище.

Эта работа для коллектива «Цирк на льду»?

— Конечно, номер лучше будет смотреться на ледовом манеже. Но у меня припасен и запасной вариант для обычного манежа. Тогда артисты сменят коньки на ролики.

Каким вам видится будущее воздушных полетов?

— Я полагаю, что будущее за тематическими композициями. Сегодня образцом такой работы для меня являются «Журавли» В. Голубко. И что примечательно, ребята исполняют четверное сальто-мортале. Но этот уникальный трюк не делает им погоды! Главное у них в другом — в сюжетной линии. Я мог убедиться в этом, когда на одном из просмотров для специалистов артисты решили показать лишь «голые» трюки. Выступление оказалось скучным. Тогда члены комиссии попросили: «Вы нам «Журавлей» покажите».

А чем вы сейчас занимаетесь в училище?

— Здесь я работаю режиссером-педагогом, готовлю номера студентам. Но часто ловлю себя на мысли, что слышном много времени уходит впустую, так как приходится работать с очень сырым материалом. Вместо того, чтобы думать о сложных трюках, искать сюжетную завязку номера, репетируем кулбиты, изучаем азы гимнастики и акробатики. Какие уж тут секреты циркового мастерства!

Володя, а вы сами пришли в училище «обкрученный»?

— Лет в одиннадцать я посмотрел в Лужниках новгородное представление. И буквально заболел цирковой акробатикой. Так я пришел в самостоятельный кружок, а затем поступил в училище, уже «обкрученный».

Так ли просто было вам уйти с манежа? Я знаю, что для многих артистов это мучительный шаг и они стремятся оттянуть время, чтобы не расставаться с любимым делом как можно дольше.

— Все случилось как-то само собой. Я репетировал в Дирекции очередной «полет». Думал еще немного поработать в манеже. Пришла пора оформить льготную пенсию, но в моей жизни ничего не изменилось. Я так же ходил на репетиции, занимался привычным делом. В это время ушла на пенсию жена (она так же была воздушной гимнасткой, но с сольным номером). Родилась внучка. Все больше стали доминировать старые болячки. И я решил, что летать уже хватит. Так воздушный полет «Фантазия», выпущенный в 1988 г., начал самостоятельную жизнь без меня.

Что же произошло, чтобы вы в расцвете славы решились на такое?

— Я посмотрел в Большом театре «Спартак».

И все?

— Спектакль так захватил меня, что я несколько дней ходил просто ошарашенный и все думал, думал. Нет не о Спартаке и даже не о балете. О цирке. О том, как хорошо было бы поставить на манеже такое же по восприятию потрясающее действо. Я представлял себе группу артистов, демонстрирующих чудеса акробатики. Они беспрерывно, в течение двух часов, прыгают и какие то прыжки! Но для этого нужна специальная, очень серьезная подготовка — как минимум в течение десяти лет, начиная с самого раннего возраста. И я решил увольняться, чтобы начать эту работу. Но мы не всегда свободны в своих действиях. Многочисленные обязательства на работе, дома диктуют свои условия. В скором времени, кажется, я смогу приступить к задуманному.

Это будет группа в училище?

— Нет, в училище поздно начинать такие занятия. Я хочу набрать группу малышей двух-трех лет. Вот самый благодатный материал! Все ваши планы пока в голове или есть какие-то конкретные действия?

— Организационными вопросами пока не занимался. Но думаю, что есть еще время для их решения. Летом отберу первую группу, а с осени начну тренировки. Просмотрев множество медицинских карт в ближайшей к дому детской поликлинике, я выбрал около 30 ребят. Теперь предстоит встретиться с их родителями.

А как вы предполагаете заниматься с малышами, на общественных началах?

— Этот вопрос меня волнует меньше всего. У меня есть пенсия. Главное — закрутить дело и увидеть, как воплощаются мечты.

В. СЕРГЕЕВА.